

УДК 94(571.5)

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; seva91@yahoo.com)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ И ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ В МОНГОЛИИ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный аспект истории советизации Монголии – противостояние советской и тибетской медицины в процессе строительства социалистического здравоохранения в МНР. Борьба с тибетской медициной была неизбежным следствием экспорта в страну идеологизированной модели советского здравоохранения, возводившей в абсолют европоцентристское научное знание. В ходе упорного противостояния советской медицине монгольские эмчи-ламы использовали целый арсенал методов контрпропаганды и дискредитации, но в конечном итоге проиграли. В статье объясняется ряд причин поражения тибетской медицины в противостоянии с социалистическим здравоохранением. **Ключевые слова:** тибетская медицина, европейская медицина, здравоохранение, кочевое общество, медико-санитарные экспедиции, венерические заболевания, дискредитация

С 1926 г. Советский Союз начал планомерное изучение проблем здравоохранения Монгольской Народной Республики, направляя туда медико-санитарные и научно-медицинские экспедиции. Советское правительство преследовало несколько взаимоувязанных целей. Как страна, вступившая на социалистический путь развития, Монголия нуждалась в создании современной системы здравоохранения европейского образца. Москва старалась как можно быстрее заполнить образовавшуюся нишу советской медициной. Ожидалось, что построенное по советским лекалам монгольское здравоохранение станет мощным ретранслятором большевистской идеологии, облегчая сложнейшую задачу советизации традиционного кочевого монгольского социума [Башкуев 2016: 15-16].

В решении этих задач советские специалисты столкнулись со сложной проблемой: долгие годы вопросы здравоохранения решались в Монголии исключительно силами тибетской медицины. Тибетская медицина была исторически укоренившейся, культурно и психологически близкой и понятной монголам медицинской системой. До 1930 г. она пользовалась полной официальной поддержкой правительства МНР. Вездесущая, общедоступная и прочно интегрированная в кочевое общество, тибетская медицина имела гораздо больше оснований называться государственной, чем социалистическая медицина.

Эмчи-ламы обладали практически безграничным влиянием на умы и души монголов. В борьбе с советской медициной они защищали экономическую и, что важнее, мировоззренческую основу своего существования. Тибетская медицина была сильна; своими корнями она уходила глубоко в социальную ткань кочевого общества, ведь к периоду социальных трансформаций треть монгольских мужчин все еще носили монашеские одежды. В руках эмчи-лам находилась вера всего монгольского народа – от простых аратов до партийных бонз. Они искусно ею манипулировали, создавая всевозможные препятствия для советских врачей.

Многие сторонние наблюдатели описывали тибетскую медицину в Монголии как медицинскую систему, базировавшуюся на книжной учености, но отмечали ее статичность и отсутствие развития. Так, Б.Б. Барадин писал, что медицина в Тибете и Монголии находится в исключительной монополии лам и что она

«давно приняла значение прикладной части религии ламаизма». Полезность этой медицинской системы была сведена на нет личным корыстным интересом практиковавших ее эмчи-лам [Барадин 1925: 8].

Рой Чэпман Эндрюс, руководитель центральноазиатских экспедиций нью-йоркского Музея естественной истории в 1920–1930-х гг., называл ламаизм причиной угасания некогда великого народа подобно тому, как роскошь привела к упадку средневековую империю Чингисидов. Только в запрещении ламаизма при условии установления в Монголии эффективного правительства Р.Ч. Эндрюс видел шанс возрождения монгольской нации [Andrews 1921: 71–72, 78].

У советских исследователей образ жизни и моральный облик лам вызывали еще более резкую критику. Так, в Бюллетене Полномочного представительства СССР в Монголии за март 1924 г. была опубликована статья, посвященная кончине богдо-гэгэна. В ней рассказывалось: «Обычно лама — это человек, которому ничего человеческого не чуждо: ни вино, ни женщины, ни торговые плутни, ни обманы. И таковы не только рядовые монахи, но даже и великие святители церкви. Из 8 Богдо-Гэгэнов, сидевших в Урге со времени принятия монголами буддизма, трое (пятый, седьмой и восьмой) отличались чрезвычайно развратным образом жизни. Пятый даже умер от сифилиса. Что касается восьмого, на днях умершего, то в молодые годы он любил шумные кутежи и попойки в компании русских купцов, а в более зрелом возрасте официально женился на одной из своих любовниц, которую после переворота 1911–1912 гг. торжественно короновал на царство в качестве своей супруги... Наряду с развратом, ламское сословие в сильной степени страдает еще недугом любостяжания. Деньги, богатство неотразимо влекут к себе служителей церкви. Богдо-гэгэн и в этом отношении подавал верующим пример»¹.

С появлением в Монголии советских медико-санитарных экспедиций противостояние между европейской и тибетской медициной начало набирать обороты. Однако в конце 1920-х гг. тибетская медицина официально являлась государственной, дотировалась из госбюджета и не состояла в антагонизме с правительством МНР. Напротив, так называемые правые уклонисты не видели необходимости в расширении зоны обслуживания европейской медицины на школы и другие учреждения, считая тибетскую медицину достаточно эффективной для обеспечения медицинских нужд государства и общества. Пока авторитет советских специалистов был невысок, ламы использовали свое безоговорочное влияние на умы аратов, запрещая ходить к русским врачам или направляя в расположение экспедиции исключительно со своего благословения².

Фатальным недостатком тибетской медицины оказалась ее неспособность обеспечить решение насущных проблем физического здоровья монгольского населения — чрезвычайной распространенности венерических болезней, прежде всего сифилиса, высокой детской смертности, эпидемий чумы, оспы, дизентерии. Положение усугублялось тем, что ламское духовенство было пронизано теми же проблемами, что и все монгольское общество. Начальник венерологического отряда в Сан-Бэйсэ С.Т. Ильин уделял большое внимание заболеваемости венерическими болезнями среди лам. В своем отчете он писал: «Ламы живут значительно чище остального населения, имеют отдельную посуду, жилище тоже содержат в относительной чистоте. Наблюдения имеющихся в амбулатории случаев дает возможность сказать более утвердительно, что среди лам заражение

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 181–182.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 106.

происходит, главным образом, половым путем. У очень значительного числа удалось установить заражение через педерастию»¹.

Стратегия советских врачей строилась на бессилии лам в лечении инфекционных болезней. Огромное психологическое значение имела наглядность. Быстрое исцеление внешних симптомов сифилиса современными медикаментами выглядело в глазах простых аратов магией. Поэтому, испытав чудодейственное воздействие советских медицинских препаратов, араты начали постепенно терять доверие к эмчи-ламам.

Ламы, как более образованный класс, мгновенно сориентировались в преимушествах европейской медицины, поспешив воспользоваться благами медикаментозного лечения. Именно они стали первыми пациентами передвижных и стационарных советских медицинских пунктов в худонах. С.Т. Ильин отмечал, что за первые 3 месяца работы венерологического отряда в Сан-Бэйсэ число приходивших на врачебный прием лам составило 20% общей посещаемости². Расположение отрядов удостаивали своим визитом и высшие буддийские иерархи — настоятели монастырей и перерожденцы.

Но ламы ходили по советским врачам не только для лечения. Эмчи-ламы перенимали внешнюю атрибутику европейской медицины — от ношения белых халатов до обустройства приемных покоев и палат. Для закрепления дружбы с монгольскими властями при военном госпитале были организованы курсы для эмчи-лам, на которых те обучались техническим приемам современной медицины, например вливанию сальварсана. Г.В. Ивицкий считал, что такие начинания лишь добавляли авторитета тибетским лекарям в ущерб развитию европейской научной медицины³.

Вместе с тем противовесом советской санитарной пропаганде был целый арсенал ламских приемов дезинформации. Поначалу использовалось простое запугивание аратов гневом богов. Рассказывая о хитростях лам, С.Т. Ильин писал: «Они распускали слух, что каждый больной, прошедший курс лечения в отряде и выздоровевший, в настоящее время укорачивает свою жизнь на 10 лет и что по отъезде европейского доктора ламы не будут оказывать никакой помощи лечившимся у него»⁴.

По мере роста доверия простых монголов к европейской медицине после сеансов чудодейственного лечения неосальварсаном ламы изменили свою тактику и начали сами направлять больных, особенно хронических и тяжелых, в советские амбулатории, надеясь на неудачный исход лечения. Однако медикаментозное лечение, в конечном итоге, помогало и разбивало надежды лам на дискредитацию европейской медицины таким путем.

До 1930 г. тибетская и европейская медицина в МНР находились в состоянии тлеющей войны. Однако с весны 1930 г., когда решениями VIII съезда МНРП и Великого хурала тибетская медицина была снята с государственного обеспечения, ситуация резко изменилась в пользу социалистического здравоохранения.

В материалах о развитии здравоохранения советник Минздрава МНР Я.Л. Гроссман летом 1932 г. сообщал, что без всякого административного давления, только по ходатайству населения было достигнуто расширение лечебно-профилактической сети с 31 учреждения в 1930 г. до 115 в 1931 г., с 372 коек в 1930 г. до 1 020 в 1931 г. Почти в 3 раза выросло число амбулаторных посещений новых учреждений здравоохранения (с 135 000 в 1930 г. до 435 737 в 1931 г.)⁵.

¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 17.

² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 22.

³ Там же. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 4-5.

⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 465. Л. 233.

В стране стала нарастать тенденция к игнорированию ламских благословений при необходимости оперативного вмешательства или серьезного лечения. Я.Л. Гроссман отмечал, что если 2 года назад монголы решительно отказывались от самых легких операций без одобрения «багши», то в начале 1930-х гг. они сами стали приходить и просить об операциях, а само это слово прочно вошло в монгольский лексикон¹.

Огромным авторитетом стали пользоваться офтальмологи, проводившие хирургическое лечение глазных болезней. Я.Л. Гроссман отмечал: «Врач-глазник, снявший бельмо с глаза и возвративший хорошее зрение после продолжительной слепоты, почитается монголами как “Бог”. Его слова — закон». Большим уважением монголы прониклись и к реакции Вассермана на наличие сифилиса. Араты сами стали приходить с просьбой взять у них анализ крови и с вопросом, «не надо ли полечиться»².

Изменилось отношение монголов и к «задачкам» — лекарствам, выдававшимся эмчи-ламами. Если двумя годами ранее у пациентов в больницах часто находили «задачки» в тумбочках и под подушкой, то на момент написания доклада (июнь 1932 г.) они стали редкостью. Другой характерной чертой внедрения европейской медицины в быт аратов стало часто отмечавшееся наличие в монгольской юрте термометров.

Тем не менее эмчи-ламы не собирались без боя сдавать свои позиции и лишаться надежного источника дохода. После снятия тибетской медицины с государственного финансирования они начали бешеную контрпропаганду, используя новые методы и уловки. По словам Я.Л. Гроссмана, в 1931 г. «сплошь да рядом или привозились в больницу не больные, а трупы или находившиеся в агонии больные». Этот способ привел к некоторому увеличению процента смертности в больницах. Однако чаще он оказывал обратное воздействие, когда, казалось бы, обреченные больные шли на поправку под действием современных медикаментов. Люди убеждались в том, что чем раньше больной обратится к врачу, тем больше у него будет шансов спасти здоровье и сохранить жизнь³.

Самым безотказным методом ламского сопротивления европейской медицине было распространение слухов. Умело подброшенный в массы слух распространялся со скоростью степного пожара и был столь же разрушительным. В мае 1932 г. в Ван-Хурэ, крупном населенном пункте вокруг большого буддийского монастыря, ламы распустили слух о появлении новой, очень заразной и смертельно опасной болезни «желтый волос»: у заболевшего человека волосы на груди якобы начинали расти внутрь, опутывая сердце и легкие и приводя к гибели. Эмчи-ламы и китайские лекари «излечивали болезнь» выжиганием волос на груди и спине, требуя за свою «помощь» большую плату.

Началась массовая истерия. В Ван-Хурэ было сорвано празднование 1 Мая. Находившаяся там в этот момент врач Перетолчина, растерявшись, не только не смогла разъяснить монголам абсурдность слухов, но и допустила в местный стационар эмчи-лам. В итоге в Ван-Хурэ пришлось срочно командировать специальную комиссию врачей, которая объяснила местным государственным и общественным организациям контрреволюционную суть ламской провокации. Были разработаны и выпущены листовки и специальная брошюра о «желтом волосе», в монгольской газете на эту тему вышла статья, на сцене была показана пьеса «Желтый волос», разоблачавшая происки лам⁴.

Такие инциденты показывали, насколько тонким на деле был слой социали-

¹ Там же. Л. 234.

² Там же. 235.

³ Там же. Л. 237.

⁴ Там же. Л. 180-181.

стической культуры в монгольском обществе. Характерно, что среди жертв ламских манипуляций неизменно оказывались ревсомольцы, члены партии, учащиеся — словом, именно та целевая группа, на социалистическое «окультуривание» которой тратились большие силы и средства.

Влияние эмчи-лам и вообще буддийского духовенства сохранялось и в новой партийной и культурной элите Монголии. Я.Л. Гроссман отмечал, что даже председатель Малого хурала МНР Лаган обращался к эмчи в качестве дополнительной меры к европейскому лечению, давал заболевшим родственникам тибетские лекарства и т.д. Он также сообщал, что секретарь Забханского аймачного комитета МНРП лечился исключительно у лам, хотя в его распоряжении имелось два европейских врача¹.

Описания доверительных отношений между региональными партийными руководителями и эмчи-ламами встречаются в полевых материалах советских медиков. Так, в очерке И.А. Охотникова, работавшего участковым врачом в Хэнтэйском аймаке в 1935–1938 гг., рассказывается о том, что первый секретарь Хэнтэйского аймачного комитета МНРП имел близкого помощника — бывшего ламу, открыто выражавшего свое недоверие европейской медицине и считавшего ее нежелательной для Монголии. При таком отношении со стороны передовых лиц Монголии к законам своего правительства, сетовал И.А. Охотников, ни один закон не мог быть проведен в жизнь².

После состоявшегося в июне 1932 г. чрезвычайного III Пленума ЦК МНРП эмчи-ламы во многих районах Монголии демонстративно отказались от своей практики, публично уничтожили тибетские лекарства и перестали принимать аратов, отправляя их в европейские медпункты и объясняя, что теперь за медпомощью нужно обращаться за сотни километров. Но параллельно бросившие медицинскую практику ламы убеждали аратов в том, что политика МНРП и правительства МНР ведет к вырождению и гибели, лишая душу арата религии, а тело — здоровья. Европейская медицина якобы не знает и не понимает сущности внутренних болезней и вылечивает только наружные их проявления, тем самым «загоняя» болезни внутрь и вредя организму³. В какой-то мере протестные доводы лам даже отражали объективную действительность — традиционная кочевая культура и устоявшееся на протяжении веков мировоззрение монгольских кочевников неумолимо разрушались новыми культуртрегерами, поставившими целью во что бы то ни стало превратить монголов в социалистическую нацию на переднем крае борьбы с мировым империализмом.

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. взаимоотношения тибетской и европейской медицинских систем в Монголии носили характер затяжного и бескомпромиссного конфликта. На одной стороне выступала совокупная мощь административных ресурсов, государственной пропаганды, практической и научной медицинской экспертизы, советского опыта организации социальных кампаний; на другой — имманентное монгольскому социуму доверие к буддийскому духовенству, беспрекословный авторитет эмчи-лам, пассивность и суеверность простых аратов, мощная инерция традиционности, гасившая в своей толще модернизационные импульсы. Обе стороны активно пропагандировали свою правоту, но делали это по-разному: советские медики наглядно демонстрировали чудодейственный эффект современных химических лекарств и антисептиков, могущество хирургии; ламы запугивали монголов, используя весь арсенал восточных хитростей. И медики, и ламы старались изучить методы своего про-

¹ Там же. Л. 239.

² ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 10. Д. 77. Л. 38.

³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 10. Д. 78. Л. 93(об).

тивника: одни — для последующей дискредитации, другие — для собственного пользования с целью укрепления общественного авторитета.

В лице монгольских эмчи-лам советские культуртрегеры столкнулись со стойким, гибким и умным противником, отчаянно защищавшим свой единственный надежный источник материального благосостояния и власти. Борьба двух медицинских систем была не эволюционным конфликтом между отжившей свое клерикальной традиционностью и модернизаторским напором большевиков, но идеологической войной за тела, умы и души монголов, ломавшей устоявшийся образ жизни и менталитет кочевого общества. В этой борьбе европейская медицина одержала условную победу, подмяв под себя и на некоторое время изгнав из социального пространства тибетскую медицину.

Однако, к счастью или нет, полное уничтожение противника не произошло. Стоило зашататься идеологическим стенам, ограждавшим социалистическое монгольское общество, как вновь тибетская медицина вернулась на свое место в монгольском социуме, громко заявляя о себе как о научной медицинской системе, излечивающей то, что европейская медицина считает безнадежным. Взаимодействие перешло на следующий круг развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00284 «Европейская медицина в контексте социалистической трансформации монгольских народов: конфликт и взаимодействие (1920-е – 1970-е гг.)».

Список литературы

Барадин Б.Б. 1925. Очерки Монголии. Быт и народное здравоохранение в Монголии. — *Жизнь Бурятии*. № 1-2. С. 3-8.

Башкуев В.Ю. 2016. *Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.)*. Иркутск: Оттиск. 436 с.

Andrews R.C. 1921. *Across Mongolian Plains. A Naturalist's Account of China's «Great Northwest»*. N.Y.: D. Appleton and Company. 276 p.

BASHKUEV Vsevolod Yur'evich, Cand.Sci (Hist.), Senior Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; seva91@yahoo.com)

THE CONFRONTATION BETWEEN SOVIET AND TIBETAN MEDICINE IN THE LATE 1920s – EARLY 1930s

Abstract. *The article provides an insight to an understudied aspect of the history of Mongolia's Sovietization – the confrontation between Soviet and Tibetan medicine in the process of shaping socialist healthcare in the Mongolian People's Republic. The struggle against Tibetan medicine was the inevitable consequence of the export of ideologized Soviet healthcare model based on the Eurocentric science to Mongolia. In the course of stiff opposition to Soviet medicine, Mongolian healer lamas used a whole arsenal of counter-propaganda and defamation methods but finally were defeated. This article explains a number of reasons why Tibetan medicine lost this confrontation with socialist healthcare.*

Keywords: *Tibetan medicine, European medicine, healthcare, nomadic society, medical and sanitary expeditions, venereal diseases, defamation*
